УДК 903.2

О. А. Митько

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: omitis@gf.nsu.ru

СВИНЦОВАЯ МОДЕЛЬ УКРАШЕНИЯ КРЕСАЛЬНОЙ СУМОЧКИ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ МИНУСИНСКОГО МУЗЕЯ *

В статье анализируется находка отлитой из свинца модели бронзового украшения сумочки для кресала. Рассмотрены ее аналогии, вопросы датировки, культурной принадлежности и использования. Сделан вывод о значении данной модели для изучения семантики огневых приборов.

Ключевые слова: Южная Сибирь, Минусинская котловина, средневековье, VIII–X вв., украшение, кресало, железо, свинец, пуля.

В VIII–X вв. н. э. у кочевых народов Южной Сибири и Центральной Азии наряду с деревянными огневыми приборами появились сумочки-огнива, с массивными пластинами-оправами и нижним краем-ударником. Они были непременным атрибутом, украшавшим пояс конного воина. Другой тип кресал представлен небольшими пластинами прямоугольной формы, которые вместе с кремнем и трутом также носили в сумочках [Митько, 2009]. В археологических памятниках последующего времени в основном встречаются металлические кресала скобовидной формы, имевшие распространение на всей территории Сибири.

В фондах Минусинского регионального краеведческого музее им. Н. М. Мартьянова хранится коллекция огневых приборов самых различных типов, включая изделия индивидуальных форм. Среди раннесредневековых кресал и металлических накладок на кресальные сумочки выделяется фигурное украшение (инв. № 6762), оригинальное по стилистическому оформлению и материалу, из которого оно изготовлено. Точное место, обстоятельства находки и дата ее поступления в музей не известны. Согласно фондовой описи, она была найдена в Бейском районе Хакасии до 1904 г. и включена в коллекцию вместе с другими случайными находками. Материал, из которого изготовлено украшение, определен как свинец, что хорошо заметно при визуальном осмотре. Более точные сведения собрать не удалось.

Украшение представляет собой литую ажурную бляху округло-кольцевой формы с расположенными в верхней части протомами коней, повернутыми головами навстречу друг другу. Между ними находится небольшая пряжка (без язычка); центральную часть занимает орнамент в виде стилизованного изображения древовидного побега, переходящего в щиток пряжки, в котором проделано отверстие для крепления язычка. Один из отростков «побега» имеет небольшой разрыв, причем на его краях нет следов механического повреждения. Очевидно, что он образовался при литье. Головы коней при одинаковых пропорциях имеют ряд индивидуальных отличий, особенно заметных в передаче ушей и гривы. Диаметр бляхи около 5 см, толщина 0,5 см. Металл мягкий, без окислов, поверхность темно-серого цвета с характерным свинцовым блеском, в не-

* Работа выполнена в рамках ГК № 14.740.11.0766 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России».

© О. А. Митько, 2011

скольких местах прослеживаются очень слабые следы желтой краски. Сохранность удовлетворительная (см. рисунок).

Украшение было отлито в одностороннюю форму, лицевая сторона рельефная, обратная – плоская, нижний край не имеет характерного для железных кресал утолщения. Поэтому его принадлежность к модели реальной бронзовой бляхи, а не железного кресала, не вызывает сомнений. Точные аналогии среди накладок на кресальные сумочки не выявлены, но близость в оформлении отдельных элементов декора прослеживается с железными кресалами из минусинской коллекции. У кресал, обнаруженных у с. Бейское (инв. № 6974) и с. Верх-Коя (инв. № 7124), центральная часть оформлена в виде такого же растительного побега, но концы дуг заканчиваются не протомами коней, а завиты в сторону пряжек. Последние, в свою очередь, изготовлены отдельно и приклепаны к кресалам. Кресало, обнаруженное у с. Курганчиково (инв. № 7126), ковалось целиком вместе с пряжкой, в центральной части вместо растительного побега присутствует горизонтальная прорезь, но окончание одной из дуг (вторая обломана) представляет собой стилизованное изображение головы коня. Очевидно, в отличие от бронзового литья, при кузнечной ковке сложно было передать зооморфный образ во всех деталях и особенностях, и на железном изделии, предназначенном для повседневного употребления, он передан в стилизованном виде.

Композиционно изображение голов коней на свинцовой модели ближе всего к геральдическому стилю. Их передача в технике плоской скульптуры характерна для таштыкских подвесок в виде парных коньков [Киселев, 1951. С. 440–441; Кызласов, 1960. С. 89–92, рис. 32; Вадецкая, 1999. С. 107]. Ареал распространения коньковых подвесок, связанных с самыми различными ритуальными предметами, включает в себя территорию от Дальнего Востока до Скан-

Свинцовая модель украшения кресальной сумочки

динавии, а семантика отличается сложностью и многообразием [Король, 2007; Gianadda, 2008. S. 205]. Согласно типологии орнаментов, встречающихся на изделиях с территории Минусинской котловины, орнамент свинцовой модели украшения на кресальную сумочку относится к типу III (зооморфный), подтип 2 (копытные животные) [Кызласов, Король, 1990. С. 86]. Поворот головы животных навстречу друг другу позволяет выделить данный орнамент в отдельную группу В.

Известно, что со свинцом человек познакомился давно. Получали его путем сравнительно легкой операции, состоящей из простого прокаливания руды. Изделия из этого материала встречаются в археологических памятниках Ближнего Востока, начиная с эпохи энеолита. Минусинская котловина являлась одной из самых крупных сибирских металлургических провинций древности, с богатыми традициями литейного производствах. На ее территории расположено и несколько месторождений свинцово-цинковых руд, а севернее Красноярска находится крупнейшее в мире Горевское месторождение свинца. Поэтому, при дефиците олова, присутствие этого металла в минусинских бронзовых сплавах вполне объяснимо [Сунчугашев, 1975. С. 135–139, 144]. Однако, насколько нам известно, предметы из свинца в археологических комплексах эпохи палеометалла и средневековья на территории Южной Сибири не встречались. В то же время использование свинцовых моделей, отлитых в бронзовых литейных формах, отмечено в некоторых районах Англии (Харти, Саутелле и Нью-Стрит) [Гришин, 1980. С. 115]. В Южной Сибири лишь в позднем средневековье из свинца начали отливать боезапас [Скобелев, 2006; Скобелев, Чуриков, 2009. С. 267]. Поэтому, вероятнее всего, свинцовую модель можно отнести к «ложной древности» как изготовленную не ранее этого времени. Остатки желтой краски на лицевой поверхности позволяют сузить датировку до второй половины XIX – начала XX в.

Мы не можем дать прямого ответа на вопрос, с какой целью была отлита свинцовая модель. Возможно, копию древней вещи сделал исключительно в познавательных целях человек образованный и рационально мыслящий. Волею судеб таких людей в то время в Сибири оказалось много. Однако нельзя исключить и прямо противоположную версию: свинцовая модель могла быть изготовлена как ритуальный предмет. Известно, что самым подходящим материалом для такого рода вещей были олово и свинец. У киргизов изображение из свинца или олова, носившее название *кут*, было связано с культом домашнего очага. *Кут* попадал через дымоходное отверстие в очаг – *коломно*. Считалось, что если *кут* напоминал изображение человека, у его обладателя будет много детей, если напоминал животное – много скота [Баялиева, 1972. С. 45–46]. У бурятов во время обряда принесения жертвы огню обращались к нему как к семейно-родовому хранителю с просьбой даровать чадородие. После завершения моления гадали: выливали в воду раскаленное олово или свинец и по тому, какую форму оно приобретало, узнавали, родится ребенок или нет, много ли детей будет, много ли скота ожидать в будущем [Галданова, 1987. С. 43]. Для качинцев отлитая из свинца пуля могла служить оберегом [Митько, 2002]. В хакасской народной медицине ребенка при испуге лечили расплавленным свинцом (позднее замененным воском): расплавленный свинец лили в чашу с холодной водой, которую держали над родничком ребенка; свинец в холодной воде застывал и приобретал различные формы – животных, птиц, человека и т. д. По этим изображениям узнавали, чего испугался ребенок. Процедуру производили три раза, и три раза произносили заклинание. Если это не помогало, то свинец лили до девяти раз [Бутанаев, 1986. С. 110]. У калмыков посредством свинца лечили особые знахари – *медглчи*, отливавшие причину болезни [Бокаева, 2002. С. 90]. Железное кресало также использовалось для магического лечения. У хакасов лечением от «летучего огня» (*хамчо*) занимался специально приглашенный дядя по матери (*тайы*). Он высекал огнивом искры над лицом больного и приговаривал: «Став летучим огнем, не возгорайся, став искрой, не рассыпайся! Я кремнем высекаю сорок искр. Эти огненные искры притяни!» [Бутанаев, 1986. С. 106].

Возможны и другие версии, связанные с использованием и причинами, побудившими изготовить свинцовую модель средневекового украшения кресальной сумочки. Однако в любом случае можно совершенно твердо утверждать одно: хранящаяся в кол-

лекции Минусинского музея свинцовая модель является копией не дошедшего до нас реального предмета с зооморфными изображениями, которые, на наш взгляд, отражают очень архаичные индоевропейские и древнетюркские представления о связи огневого прибора с конем.

Список литературы

Баялиева Т. Д. Доисламские верования и пережитки у кыргызов. Фрунзе: Илим, 1972. 170 с.

Бокаева Э. П. О ритуальных предметах в практике современных «знающих» («медглчи») в Калмыкии // Мир Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. Т. 1: Археология. Этнология. С. 86–91.

Бутанаев В. Я. Хакасская народная медицина // Генезис и эволюция этнических культур Сибири. Новосибирск / Ин-т истории, филологии и философии СО АН СССР, 1986. С. 94–113.

Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1999. 440 с.

Галданова Г. Р. Доламаистсткие верования бурят. Новосибирск: Наука, 1987. 116 с.

Гришин Ю. С. Древняя добыча меди и олова. М.: Наука, 1980. 134 с.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во Академии наук, 1951. 643 с.

Король Г. Г. Северокавказский всадник на парных конях: истоки историографии и семантика // КСИА. 2007. Вып. 221. С. 194–203.

Кызласов Л. Р., Король Г. Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М.: Наука, 1990. 216 с.

Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960. 198 с.

Митько О. А. Огнестрельное оружие в культовой и обрядовой практике народов Сибири в эпоху позднего средневековья // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2002. С. 88–95.

Митько О. А. Пластинчатые кресала прямоугольной формы в археологических памятниках Южной Сибири // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2009. Т. 8, вып. 5: Археология и этнография. С. 215–224.

Скобелев С. Г. Характеристика вооружения русских первопроходцев Средней Сибири (по материалам раскопок поселенческих памятников) // Современные проблемы археологии России: Материалы Всерос. археол. съезда. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. 2. С. 185–187.

Скобелев С. Г., Чуриков Р. С. Керамические тигли как часть металлолитейного комплекса Саянского острога // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2009. Т. 8, вып. 5: Археология и этнография. С. 261–269.

Сунчугашев Я. И. Древнейшие рудники и памятники ранней металлургии в Хакасско-Минусинской котловине. М.: Наука, 1975. 171 с.

Gianadda R. Nordeuropa. Kelten, Germanen und Wikingen. Parthas Verlag, 2008. 383 S.

Материал поступил в редколлегию 01.02.2011

O. A. Mit'ko

LEAD MODEL OF THE ORNAMENT ON A HANDBAG FOR STEEL FROM THE COLLECTION OF THE MUSEUM IN MINOUSINSK

Article analyze the find of the model of a bronze ornament of a handbag made of lead for steel. Analogies, questions of dating, cultural definition and use are considered. The conclusion about value of the given model for studying semantics fire tools devices is made.

Keywords: Southern Siberia, Minousinsk hollow, the Middle Ages, VIII–X of century, an ornament, steel, iron, lead, bullet.